

Борис Михайлович Житков и его увлечения Севером

Н. Вехов, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник

Всем охотникам старшего поколения и истинным любителям природы знакомо имя Бориса Михайловича Житкова (1872—1943), известного отечественного зоолога, одного из инициаторов зарождения в стране охотоведения, как отрасли науки, популяризатора знаний о жизни леса и охотничье-промысловой фауны. Знают его ещё и как одного из зачинателей природоохранного движения в России. Наконец, его имя вот уже более 70 лет носит широко известный и у нас в стране, и за рубежом Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства в Кирове.

Но мало, кому известно, что свои первые шаги в науке Борис Михайлович начинал на Севере. Маршруты путешествий Житкова пролегали по Белому морю и полуострову Канину, в таёжной глуши Архангельской губернии, по острову Колгуеву и Новой Земле, с юга на север, а это до него ещё никто не сделал, он пересёк полуостров Ямал. В 1900-1920-ых годах Север интересовал его во всех проявлениях — будь то этнография или экономика этой тогда ещё остающейся во многом неизвестной окраины страны, перспективы освоения и транспортные коммуникации, ну и, конечно, чисто профессиональные вопросы — зоология, а, в общем, самые разные стороны природы края.

Много усилий прилагал Борис Михайлович, чтобы рассказать в доступной и популярной форме о географии и значении необъятных пространств тундры и арктических островов для будущего российского государства. Поэтому в Житкове-исследователе одновременно «жили» два человека — с одной стороны, всесторонний популяризатор и пропагандист знаний о Севере, а, с другой, учёный-практик, полевой исследователь, собиратель всевозможной информации о природе и населяющих тундры народах — инородцах и русских. Все свои научные и практические заключения и выводы Житков делал на основе глубоких и всесторонних знаний. Именно последнее обстоятельство, а также широчайший географический подход к осмыслению Севера и его

богатств принесли всероссийское признание имени Б.М. Житкова в России. Уже в начале 1910-ых годов его заметили ведущие отечественные учёные-энциклопедисты; они стали приглашать Житкова к участию в подготовке материалов для крупнейших географических изданий. Достаточно, привести лишь один пример. Так, редактор грандиозного многотомника «Великая Россия», профессор Д.Н. Анучин привлёк к участию в нём Бориса Михайловича. Очерк Житкова «Тундры», занявший в третьем томе (1912 г.) этого издания почти 150 страниц, стал первым в отечественной литературе обобщением всех ранее известных сведений о материковых тундрах и арктических островах, доступным и профессионалам, и просто любознательным читателям.

Уже в советское время Борис Михайлович, как знаток Севера, был многолетним консультантом и учёным-специалистом и участвовал в работе таких центральных в то время государственных структур, в 1920-ых гг. занимавшихся вопросами колонизации, как тогда называли освоение и заселение северных окраин страны, и в целом их развитием, как Плановая комиссия Центрального управления НКПС и Государственный колонизационный институт, Полярная комиссия при Академии наук, Комитет Севера, Международная полярная комиссия со штаб-квартирой в бельгийской столице. Недаром профессор Московского университета С.Г. Григорьев один из известных в то время отечественных географов и североведов, не раз бывавший на Канине, писал, что «Б.М. Житков в настоящее время один из лучших наших знатоков Севера».

Мне хотелось бы познакомить читателей с наиболее интересными страницами путешествий Б.М. Житкова по Северу. Ведь именно северные окраины империи стали прологом к будущим путешествиям Бориса Михайловича.

Б.М. Житков увлёкся Севером ещё в студенчестве. На втором курсе, в 1893 г., он впервые попал на Соловецкую биологическую станцию. Первую же свою «взрослую» экспедицию по Северу Борис Михайлович совершил в компании с С.А. Бутурлиным. В 1900 г. они приняли приглашение Императорского общества любителей естествознания,

антропологии и этнографии отправиться в поездку на Новую Землю для сбора самых разнообразных сведений об этом остающемся мало известным архипелаге.

Находясь в Архангельске, в ожидании отправки на Новую Землю рейсового парохода Архангельско-Мурманского срочного пароходства Б.М. Житков и С.А. Бутурлин оказались в «столице» Северного края и решили использовать предоставившуюся возможность и отправились знакомиться с природными особенностями таёжной части Архангельской губернии. 4 и 5 июля они побывали на островах устьевой части и дельты Северной Двины, которыми богата эта могучая северная река. Настоящие натуралисты широкого профиля они собирали всё, что им казалось интересным, обращающим на себя внимание. Путешественников особенно интересовала местная орнитофауна. Их наблюдения над птицами дельты Северной Двины — пожалуй первое исследование орнитофауны, выполненное высоко классными специалистами академического уровня. Для нас интересны несколько выводов, сделанных зоологами во время посещения этой части северодвинского бассейна. Во-первых, это — встречи путешественников с хищными птицами (скопой, другими), характеризующими низовья и устье Северной Двины как ещё мало освоенную, сохранявшую черты девственного леса. территорию Во-вторых, Б.М. Бутурлина и Б.М. Житкова удивило крайне малое разнообразие куликов, одной из доминирующих на Севере и по числу видов, и по уровню развития популяций групп позвоночных животных. Были среди увиденных ими птиц и ряд интересных, залётных, ранее и позже находимых здесь крайне редко.

6 июля друзья-зоологи отправились в Онежский уезд, на реку Емцу и оз. Большое Сямгозеро. Здесь они познакомились с бытом жителей деревни Савинской, которые занимались земледелием, скотоводством, рыболовством и охотничьими промыслами. Но самым интересным итогом этого маршрута стало первое подробное описание интересного природного объекта — периодически исчезающего озера Большое Сямгозера. Исследователями была составлена его подробная карта и обобщена вся информация о

пульсирующем водоёме. Как оказалось, Большое Сямгозеро, находящееся в бассейне реки Шелексы, принадлежит к обширному карстовому району Северного края, которых, кстати, в границах Архангельской губернии, было немало. Распространённые здесь карстовые озера, подобные Бол. Сямгозеру, местное население издавна называло бездонными. Большинство таких озёр возникло в карстовых провалах, а их водный режим тесно связан с режимом подземных карстовых вод, с которыми они соединяются сложной сетью невидимых для нас водотоков.

Согласно исследованиям Б.М. Житкова и С.А. Бутурлина, вода из Бол. Сямгозера, как правило, уходит каждые 4-10 лет в конце зимы (в конце февраля) или начале весны (в первую половину марта), при этом лёд с громким треском ломается, оседая на дно. Обычно за несколько дней до ухода воды из озера в окрестных деревнях сухими становились все родники и резко мелела река Шелекса, оставляя без воды находящиеся на её берегах деревни Огарково, Выползово и Подволочье. Вместе с Бол. Сямгозером всегда иелели и лежащие по соседству другие карстовые озера — Бирючевское и Гагарье. Внезапные исчезновения воды из них и возврат её породили множество легенд. В одной из них уход воды из Бол. Сямгозера объяснялся тем, что хозяева его, водяные, торопясь в гости к соседям, неплотно прикрыли за собой дверь. В другой — тем, что хозяин озера проигрался в карты и вынужден был в уплату карточного долга отдать соседу водяному все свое добро — и рыбу, и воду. Ведь вода из карстовых озер уходила по подземным трещинам-пороям обычно вместе с рыбой, но часть её оставалась в воронках-ямах на дне, и местное население черпало её оттуда ведрами, ловило руками. Возвращалась же вода из-под земли в Бол. Сямгозеро тоже вместе с рыбой, причём заполнение озёрной ванны этого немалого по размерам водоёма занимало не более двух дней. Во время возвращения воды её уровень увеличивался со скоростью 0,7-1,4 м в час. Картина, по словам очевидцев, была завораживающей — из-под земли в жерле воронки бил фонтан с живой рыбой.

Совершив два маршрута по тайге Архангельской губернии, путешественники возвратились в Архангельск. 11 июля 1900 г. Б.М. Житков и С.А. Бутурлин на пароходе «Владимир» отбыли на Новую Землю.

По пути на полярный архипелаг 13 июля во время стоянки у острова Колгуева Житков с Бутурлиным съехали на берег, где познакомились с жизнью островитян. По их сведениям, на то время на Колгуеве проживали только самоеды (ненцы), да в Бугрино, в местной церкви служил русский причт Архангельской епархии. Самоеды, а это 10 чумов, население которых составляли 70 человек, владели одной тысячью оленей и занимались в пастухи к русским, пустозёрским хозяевам. Они-то и были главными владельцами основного поголовья домашних оленей на острове (а это, четыре тысячи голов); наезжая в свои угодья только в летний период. Местное самоедское население, помимо домашнего оленеводства, занималось морскими промыслами (добычей нерпы и морского зайца; если повезёт, ежегодно отстреливали по одному, два моржа и белого медведя), забоем линных гусей, которых они засаливали в специальных ямах, а сверху закрывали, словно одеялом, слоем торфа.

Утром 16 июля Б.М. Житков и С.А. Бутурлин сошли на берег Малокармакульского залива на западном побережье Южного острова Новой Земли. Путешественники побывали в становище Белушья Губа, на полуострове Гусиная Земля и побережье губы Поморской в западном устье пролива Маточкин Шар в гостях у А.А. Борисова. На Новой Земле путешественники вели наблюдения над птицами, собрали всесторонний материал по естественной истории острова и этнографии поселенцев-самоедов. Из животных, безусловно, главное внимание они уделили гнездящимся и пролётным птицам. Среди них Б.М. Житков и С.А. Бутурлин обнаружили ряд редких видов, в частности, атлантического тупика, тем самым, отметив новый участок ареала этой птицы. Результатом поездки стала их совместная статья «О птицах Новой Земли и о «птичьих базарах»» (1907), где впервые

упоминается такой интереснейший и ныне известный природный феномен, как «птичьи базары».

Через два года, летом 1902 г., по поручению ИРГО, при организационной и финансовой поддержке председателя отделения физической географии, профессора-геолога Ф.Н. Чернышева и совета Общества, Б.М. Житков отправился в новое путешествие на Север, на этот раз на полуостров Канин. Его спутниками были ассистент Зоологического музея Московского университета С.В. Покровский и орнитолог-любитель, член Смоленской губернской земской управы Г.Л. Граве.

В 1920-ых гг. в своём обзоре экспедиций по Канину, один из его знатоков, географ, профессор Московского университета С.Г. Григорьев, об этом путешествии Житкова писал, что Борис Михайлович «с самого начала поставил экспедиции одну из чисто географических задач – выяснить вопрос о водном пути Чижа-Чёша, о котором имелось так много разнородных, часто противоречивых сведений». Изучить этот водный путь — старинный волок, которым несколько столетий назад пользовались отправившиеся на восток архангельские поморы в поисках новых пушных промыслов и первооткрыватели златокипящей Мангазеи, стремились многие, а удалось это только Б.М. Житкову.

Канинская экспедиция Б.М. Житкова длилась около полутора месяцев, причём собственно исследование полуострова заняло три недели, а остальное время было потрачено на обследование Зимнего берега Белого моря, плавание по морю и пребывание в Мезени.

Выйдя 1 июля (по старому стилю) на карбасе из Мезени, в ночь с 3 на 4 июля Житков со своими спутниками был уже в устье реки Чижи, откуда то на лодке, то пешком они двинулись в верх по её течению к оз. Парусному. Это озеро лежало на водоразделе Канина; стекающие с него на запад реки принадлежали к бассейну Белого моря, а на восток — Баренцеву, куда, в Чёшскую губу, и стремился попасть Житков. Достигнув оз. Парусного и перетащив волоком лодку в соседнее оз. Мелкое, путешественникам

пришлось немало потрудиться, чтобы найти исток реки, впадающей в Чёшскую губу. «По узкой и заросшей протоке шириной всего 60-90 см, чтобы далее проташить лодку, пришлось примерно 400 м скапывать берег топорами и заострёнными в лопаты вёслами. По этой «Морской виске» (протоке. — **Н. Вехов**) вышли ниже устья рек Чёши в Чёшскую губу». 10 июля Борис Михайлович со своими спутниками достиг устья реки Чёши и провёл тут днёвку в небольшой охотничьей избе, а 12 числа они двинулись обратно, продолжая искать остатки старого волока. 16 июля экспедиция Бориса Михайловича возвратилась с восточного берега Канина в устье Чижы на западный берег полуострова.

17 июля экспедиция Житкова на карбасе вышла из устья Чижы и двинулась на юг, несколько дней проведя в море и обследуя знаменитые «Канинские кошки» — небольшие прибрежные острова, обрамляющие мелководья вдоль полуострова. 25 июля путешественники прибыли в селение Мгла, расположенное в устье одноимённой реки и состоящее из 9 хозяйств. Отсюда они совершили маршрут в глубь южной части Канина, а затем возвратились в Мезень.

Центральным же событием периода жизни Б.М. Житкова, связанного с его увлечением Севером, стала поистине грандиозная экспедиция 1908 г. на полуостров Ямал. Эта область тундр на севере Западной Сибири оставалась мало известной вплоть до второй половины XX в., не говоря уже о начале века, времени путешествий здесь Бориса Михайловича.

Вместе с Б.М. Житковым в село Обдорск (ныне это г. Салехард) прибыли и члены экспедиции: капитан 17-го сапёрного батальона В.Н. Введенский в качестве топографа и ассистент Московского Сельскохозяйственного института Д.П. Филатов, занимавшийся сборами флоры и фауны. В помощь проводниками были наняты несколько инородцев.

29 марта экспедиция выехала из Обдорска к месту стоянки своего каравана — в местность Пореча по пути к устью Воксарки. Исследователям предстоял долгий, трудный, изнурительный путь по полуострову Ямал — сначала на север от устья реки Щучьей до

реки Сё-яги (Зелёной) и группы озёр Ямбу-то и Ней-то, потом до пролива Малыгина и на остров Белый, обратно до устья реки Морды-яхи и через тундру к озёрам Ней-то. Большие озёра Ней-то и Ямбу-то, являвшихся составной частью древнего торгового пути. Обратный путь экспедиции проходил от реки Мутной по бассейну р. Морды-яха до низовья р. Юрибей, отсюда к озёрам Ярро-то и далее до промысла Пуйко на Обской губе.

Из низовьев реки Щучьей выехал обоз из 60 грузовых нарт. Олений караван из 480 оленей вёз всё имущество — необходимый для научных изысканий инструментарий, провизию, а путешественники не хотели ни в чём себе отказывать и доставили с собой из Москвы рис, консервированные овощи и сливки, кофе, какао, шоколад, лимонный и клюквенный сок; помимо этого купили в Обдорске муку, крупу, ржаные сухари, сушку, печеный хлеб, кирпичный чай, сахар, масло, рыбий жир. Оленьим мясом, дичью и рыбой экспедиция обеспечивала себя по ходу путешествия. Обоз состоял из отдельных «анасов» (анас или аргиш – караван из нарт) по 6-8 нарт каждый.

Рассказ о перипетиях экспедиции занял бы не один десяток страниц. Поэтому я приведу лишь несколько выдержек из записей Б.М. Житкова.

«В полдень 3 апреля сняли мы лагерь, пересекли после полуторачасового пути устье реки Щучьей и вступили в пределы Ямала». Началось многомесячное странствие по тундрам полуострова, а, учитывая, что весь Ямал — это фактически лежащие на древних песках торфяники с обилием озёр, рек и ручьёв, оказалось оно нелёгким, даже по современным меркам.

Во время экспедиции Б.М. Житков изучал природу, собирал коллекции птиц и млекопитающих, гербаризировал местную флору, занимался гидрологическими работами.

О сложностях, не раз, и не два, возникавших во время этого беспримерного в истории исследований Ямала путешествия и поисках святынь ямальских самоедов, свидетельствуют хотя бы такие строки. «29-го (апреля) дошли мы последними силами истощенных оленей до порядочных пастбищ. Западнее нас, по словам самоедов, лежало

большое озеро. Но на вопросы о названии его, о положении верховьев Морды и озера Луце-хавы-то (в переводе «Озеро умерших русских») все отзывались незнанием. <...> После нескольких колебаний самоеды сообщили нам, что озеро Луце-хавы-то считается одним из наиболее священных мест на Ямале. Самоеды просили нас убедительно не брать из него воды. На вопросы о том, что находится по западную сторону водораздела, и далеко ли до верховьев Морды, самоеды отзывались незнанием. Я не настаивал, полагая, что все выяснится постепенно.

После полудня 2 мая поехали мы с В.Н. Введенским на озеро Ямбу-то. <...> Мы стояли на низком перешейке, почти обнаженном от снега, протяжением не более 100 сажень; небольшое круглое озеро лежало по середине его. Далее справа и слева уходили из глаз снежные равнины громадных озер. Крутые обрывы их берегов едва можно было различить вдали за туманной марой. Самоед показывал в обе стороны: «Вот это озеро Ямбу-то; река Сё-яга (Зеленая) течет из него прямо в губу. Летом на ней броды, в дожди переезжаем в лодках. Здесь озеро Ней-то, за ним еще два, но все связаны горлами. Из Ней-то течет река в Морды, зовется тоже Сё-яга (Мутная). Морды течет хупто-хупто (далеко) — до моря. Можно идти лодкой из моря в губу, только здесь тащить надо. Вот перед нами озеро Луце-хавы-то — оно маленькое, но глубокое. По нему не плаваем — святое озеро. Но когда здесь умерли русские, никто из самоедов не помнит. Вероятно, давно».

Известность этой экспедиции Б.М. Житкова принесли исследование и картирование фрагментов старинного волокового пути через Ямал в обход коварного пролива между островом Белым и материком, которым пользовались идущие в Мангазею и возвращавшиеся оттуда в Архангельск купцы.

Но особенно влекли его быт и занятия самоедов; в то время «туземное население» полуострова составляли так называемые каменные самоеды (самоеды, живущие на Камне, на Урале). Но и среди этих вопросов оказались те, что требовали наимоверных усилий к разгадке. Среди них, святыни ямальских ненцев — их святилища и места захоронения

умерших родственников. Их открытие, картирование и описание, безусловно, один из главных итогов экспедиции Житкова. Когда экспедиция добралась до северной части Ямала, у мыса Хаэ-сале (мыса Шайтанов), они оказались поблизости от ненецкого стойбища, чумов старшины Нанди. «От самых чумов уже видна стала полоса темно-синего тумана над устьем Обской губы. Там было открытое море. Переехали ручьи верховьев Соболе-яга и Хабей-яга и в 10 часов свернули к показавшемуся вдали чуму, принадлежавшему самоеду из Уэногов, — стражей «Яумальского шайтана», — известного не только на Ямале, но и во всех самоедских тундрах жертвенного места, находящегося недалеко от мыса Хаэнь». Поблизости от «Яумальского шайтана», путешественники сделали лагерь и днёвку.

Завязали оленей. «Мы разузнали уже ранее, что жертвенное место Яумах-хэ лежит в тундре вблизи мыса Хаэнь. Мы выехали туда, и после сорока минут довольно быстрой езды увидели в пологой складке тундры длинный ряд куч сядеев, обложенных черепами жертвенных оленей, обвязанных обрывками шкур и сукна и занесенных снегом. Нас сопровождали жрец Лямби, Тёроку Уэнога и прибывший накануне в чум промышленников Уэррено Уэнога, от которых и можно было получить необходимые разъяснения. Яумальский шайтан, по выражению самоедов, «живет в семи чумах». Это значит, что деревянные идолы (сядеи) сгруппированы в семь отдельных куч, стоящих выгнутым рядом в нескольких шагах расстояния одна от другой. Несколько идолов стоят, кроме того, отдельно по одному и по два. Деревянные идолы здесь или обычного самоедского типа в виде коротких обрубков древесного ствола со стесанной наверху головой и грубыми насечками на месте глаз, носа и рта; или в виде длинных и тонких обтесанных палок, покрытых группами зарубок по семи в каждой группе. Но кроме этих обыкновенных изображений тут находились также две или три фигуры человека, гораздо тщательнее вырезанных из дерева, и несколько деревянных изображений птиц (гагар), вполне похожих на те, которые в обиходе у енисейских остяков и тунгусов. В середину

каждой кучи, как это обычно и на других жертвенных местах Ямала, вставлена сухая лиственница — священное дерево самоедов. Каждая куча сядав считается местом поклонения отдельных родов самоедов, - около одной приносят жертвы Яптики, у других — Окотэтта, Вануты, и т.д. Паломники приезжают сюда иногда не только из отдаленнейших частей Ямала, но и из-за него».

Б.М. Житков пишет: «Дружеские отношения, неизменно существовавшие между нами и самоедами в течение всей экспедиции, позволили нам с Кудриным посетить святилище, молва о котором живет в отдаленных областях европейских и западно-сибирских тундр, и которое по древности своей и своему значению можно сравнить только со святынями Вайгача, истребленными некогда миссионерами. Но этого мало. В ответ на некоторые подарки, сделанные мною самоедам, они подарили мне несколько отдельных идолов, между ними также птицу и очень древнее — и по их словам и по состоянию дерева — изображение сидящей человеческой фигуры, подобного которому я не видел никогда ни на одном самоедском жертвенном месте. Самоеды говорили, что эта фигура — баба, и что она чрезвычайно полезна промышленникам на медведя; они полагали, однако, что на место «бабы» можно поставить другого идола».

«20 апреля миновали мы расположенные на кургане Няме-сотты многочисленные хальмеры (могилы. — **Н. Вехов**). Все хальмеры были сделаны основательно из хорошего леса, в виде четырехугольных ящиков с двумя стойками по бокам, снабженных перекладиной. На женских могилах на этой перекладине вешается колокольчик, один из тех, которые женщины привязывают к нартам своих парадных упряжек, а иногда — более мелкие — носят на рукавах малицы. Во время ветров уже издалека бывает слышен звон этих колокольчиков над халмерами. У крещёных самоедов на перекладинах обыкновенно укрепляется крест. На берегу Ярро-то видел я один халмер, который представлял собою перевернутую вверх килем отрезанную половину лодки, а в другом месте гробом — по-видимому, ребенка, — служила бочка».

Не менее сложным, чем путь на север полуострова, оказался возвратный маршрут. «Широкое морское устье Морды, почти от Ясале до мыса Порнэ-сале, было подтоплено водой, которую выносила река. Громадное пространство воды росло у нас на глазах, разливаясь всё далее по морскому льду. Мы тронулись в путь, почти не успев подкормить оленей. Пришлось уйти далеко в море, чтобы обойти воду, выливавшуюся из устья. Но когда мы снова приблизились к берегу несколько южнее мыса Порнэ-сале, мы увидели, что и здесь выход на берег будет не легок. Прибрежные ручьи, вероятно, уже несколько дней выливали воду на морской лед, и заберега разлилась широко, затопив лёд версты на четыре от берега, и ровной полосой уходила из глаз к югу. Уже вблизи нас льдины были сломаны и беспорядочно подняты водой. При движении нашем через заберегу оказалось, однако, что сломан верхний слой льда. Льдины приблизительно в полтора-два фута толщиной плавали на поверхности воды, которая стояла поверх плотного нижнего слоя льда. Глубина воды достигала приблизительно по пояс человеку, где была несколько глубже или мельче. Одни поднятые водой льдины образовывали целые маленькие поля в десятки сажень диаметром; в других местах лед был измельчен. Положение наше осложнялось ещё тем, что невдалеке сзади нас висела и клубилась непроницаемая завеса тумана. Каждую минуту туман мог накрыть нас и лишить возможности выбирать наиболее удобный путь. От берегового обрыва шел покрытый снегом песок и твёрдый лёд; ближе к нам — сажень в пятьдесят шириною — тянулось пространство забереги. Вода стояла, как широкая река, небольшой ветер гнал по ней волны, и невозможно было решить, глубока ли вода, и стоит ли она поверх льда, или лед сломан».

В этих сложных условиях оленьему каравану приходилось тащить «ящики с собранными коллекциями и запасами спирта и формалина увеличивали несколько наш багаж. Мы имели под грузами 32 нарты, причем каждая несла уже не 8 пудов, как зимою, а от 2 до 3 пудов. Грузы на нартах в пути регулировали в зависимости от силы отдельных упряжек оленей». Наконец, «4-го утром увидели далеко на юго-западе высокий мыс

Салемал, лежащий у начала дельты на правом берегу Оби, а в 4 часа пополудни вышли на край Обских соров немного выше Пуйко». Семимесячная экспедиция Б.М. Житкова на Ямал завершилась 6 августа там же, где и началась.

Экспедиция Б.М. Житкова провела на севере весну и лето, однако сумела проехать на оленях вдоль всего Ямала по его средней части с юга на север, достичь самого северного мыса полуострова, по льду преодолеть пролив Малыгина и попасть на священный остров самоедов — остров Белый, лежащий севернее него, и побывать на его святилищах. По решению Совета Императорского Русского Географического Общества все собранные экспедицией коллекции были переданы Московскому университету и в Ботанический сад в Петербурге. К одной из главных заслуг экспедиции следует отнести топографическую съёмку (полуинструментальную нивелировку) древнего волока поперёк Ямала эпохи освоения златокипящей Мангазеи. Возвращаясь с севера полуострова, Борис Михайлович даже прошёл часть этого древнего пути от западного побережья Ямала, из бассейна Баренцева моря, до водораздельных озёр, откуда начинаются реки бассейна Обской губы (Карского моря).

Непреходящее значение имеют этнографические работы экспедиции Житкова, особенно их раздел, посвящённый религиозным обычаям и обрядам, определению географических координат и описаниям самих святилищ каменных (уральских) самоедов, проживающих на Ямале. Изучив самоедов Ямала Борис Михайлович пришёл к весьма неожиданному выводу, дающему объяснение тем их консервативным бытовым и религиозным особенностям, отличающим местных инородцев от соплеменников в других местах проживания в пределах их обширного ареала, например, от кочевников Большеземельской и Малоземельской тундр, Гыдана. «Самоеды Ямала фактически владеют совершенно обособленной территорией и сравнительно мало приходят в соприкосновения с русской и зырянской культурой. Это причина большого достатка каменных самоедов».

Экспедиции Б.М. Житкова удалось собрать и интересную информацию об охотничьих промыслах самоедов и проживающих в низьях Оби русских. Их основными промысловыми объектами в те времена, конечно, был песец. Зимой откочёвавающие на юг полуострова самоеды, где по долинам рек ещё рос лес, и осёдло проживающие в Обдорске русские добывали волка, лисицу, горностая, белку и редко — росомаху. Пушные промыслы давали им хорошие заработки. Сюда, в Обдорск, на ежегодную зимнюю ярмарку со всей Тобольской губернии съезжались покупатели пушнины. Так, в 1908-1912 годах на ярмарке продавалось песцовых шкур: с хвостом — 950-2000, без хвоста — от 4 до 5 тыс.; лап песцовых — более 10 тыс. ежегодно, до 500 шкур лисиц, по 1-2 тысячи — горностаев, до 14-15 тысяч шкур белки. Небезынтересна и цена на пушнину. Так, самыми дорогими оказывались шкуры белых медведей; они ценились по 90 рублей. Но это был товар скорее штучным, ведь ежегодно его добывалось всего по несколько особей, и редко — по 30 и более. Высококачественные песцовые шкуры цинились по 8-16 рублей, горностая — по 2-3,3 рубля. Самый многочисленный промысловых объект — белки, уходили по 34-40 копеек.

Следующее десятилетие в своих увлечениях Севером Б.М. Житков посвятил обобщению и анализу собранных материалов и всего того, что было опубликовано ранее, популяризации знаний о Севере. С 1920-ых гг. к этой работе прибавилась и административная, и в некотором роде чиновничья, которая требовалась при участии в разного рода «комиссиях» и «советах» по многим вопросам освоения Севера и Сибири, о чём я вкратце упомянул уже выше. Этой работе Борис Михайлович придавал не меньшее значение, чем «чистой, академической науке», о чём сам говорил: «Изучением последнего (Севера. - **Н. Вехов**) и содействием его развитию я занимался ряд лет и теперь нахожусь в курсе этого важного для будущности Сибири дела благодаря дружеской любезности руководителей Комитета Северного морского пути».

В библиографии работ Б.М. Житкова в период его увлечения Севером для охотников, охотоведов и специалистов по оленеводству даже XXI в. интерес представляет ныне мало известная брошюра «Северный олень в неволе» (1928), в которой Борис Михайлович не только в популярной форме рассказал о домашнем оленеводстве, но и о последних на то время научных достижениях в этой области традиционного хозяйства у жителей севера Евразии и Америки, полученных на Аляске (США). Оказалось, что, когда в 1920-ых гг. в СССР (России) ещё и в помине не было такой отрасли сельского хозяйства, как домашнее оленеводство, на Аляске уже всюду шли исследования по содержанию оленей в неволе, селекционные работы, многое другое. Замечу, что согласно информации Бориса Михайловича стадо домашних оленей на Аляске появилось только в 1890-ых гг., когда с Чукотского полуострова в течение чуть более десяти лет завезли около 1300 диких оленей. Они-то и дали начало аляскинскому поголовью домашних оленей, которое к началу 1920-ых гг. достигло 200 тысяч голов, не считая 100 тысяч забитых на шкуры и мясо в прежние годы животных. Таким образом, за неполные четверть века, в этом штате США зародилась новая отрасль народного хозяйства, куда было вовлечено местное население, - домашнее оленеводство. Замечу, что общее поголовье одомашненных животных, а это помимо оленей, были северо-американские карibu быстро сделало эту отрасль хозяйства на полуострове прибыльной. Пригодился американцам и российский опыт пастушества; ведь пастухами оленьих стад на первых порах они брали чукчей и лопарей, специально превезённых с Чукотки и из Лапландии. Помимо этого, вызывает уважение и опыт государственного подхода к проблеме развития домашнего оленеводства; аляскинская администрация открыла в штате несколько «туземных школ» для обучения эскимосов, алеутов и чукчей азам «олeneводческой науки» на полуострове, тем самым поставив обучение пастухов «на поток».